

ТАБЛИЧКА НА ДОМЕ СЕМЬИ ТОМАССАН, КОТОРОЙ ОН ПРИНАДЛЕЖИТ С XIV СТОЛЕТИЯ

МАРИЯ СИДЕЛЬНИКОВА

СТАРЕЙШИЙ В ГАЛЛИИ РИМСКИЙ ТЕАТР

КВАРТАЛ ЭПОХИ АР-ДЕКО

МАРИЯ СИДЕЛЬНИКОВА

теров и музыкантов: по окончании выступления со всех сторон амфитеатра на сцену летят сотни зеленых подушек-подстилок. Бедняги не знают, что делать — то ли уворачиваться, то ли кланяться. Вот так лионцы выражают свою благодарность и признание.

Холм Фурвьер подарил Лиону и другую более приятную традицию, прославившую город далеко за пределами Франции. Ежегодный праздник света в декабре — эти четыре дня приводят в восторг туристов и сводят с ума лионцев. Это же надо, плюс 3 млн человек в городе?! Парижане, со своим туристическим войском в 25 млн только умиляются провинциальной наивности соседей. В 1850 году был объявлен конкурс на реконструкцию часовни на Фурвьере и строительство статуи Девы Марии, которая должна была стать религиозным символом Лиона. Но как водится, скульптор к заявленным срокам не поспел, инаугурацию переносили — то Сона из берегов выйдет, то непогода разгуляется. И 8 декабря 1852 года в праздник Непорочного зачатия девы Марии, когда торжественное открытие вновь было под угрозой срыва, лионцы устроили то, что сейчас назвали бы флешмоб: начиная с шести часов вечера они стали зажигать свечи в своих окнах, и вскоре весь город превратился в одну большую гирлянду из огней. Так и повелось. Современные городские чиновники заразили лионской традицией художников, работающей со светом, и во время праздника Лион не узнать: на фасадах учреждений и простых домов возникают

неописуемой красоты световые спектакли, складываются причудливые мозаики и сюжеты, словно смотришь на знакомый город в калейдоскоп.

Несмотря на то что Фурвьер — самая старинная часть Лиона, сегодня на нем возвышается новодел. Белоснежная четырехглавая базилика Нотр-Дам-де-Фурвьер, построенная в 1896 году, монументальна, но архитектурно неуклюжа: внешне похожа на крепость, внутри — на дворец. Ее создателю Пьеру Боссану казалось, что такое сочетание лучше всего символизирует Богородицу. Как бы то ни было, отсюда открывается лучший вид на город, а также на другой его символ — местную Эйфелеву башню. Вторая и последняя нелепость прекрасного Лиона. На коротеньких ножках, увешанная телевизионными антеннами, она выглядит бедной родственницей столичной красотицы. Но и тут лионцы держат оборону: «Наша-то выше вашей, если мерить с холмом!»

Перенестись из одной эпохи в другую в Лионе очень просто, достаточно спуститься с Фурвьера. Узкая улочка-долгожитель Гургийон ведет к церкви Святого Иоанна Крестителя — образчика готического стиля. Помимо сохранившихся витражей здесь находятся старейшие европейские астрономические часы (1383 год). От квартала Святого Иоанна начинается и Старый город, который считается самым большим после Венеции архитектурным ансамблем Возрождения в Европе. Здесь за каждой дверью — история, а в роскошных частных особняках и выцветших домах, где потол-

ки подпирают деревянные балки, до сих пор живут потомки лионских купцов и банкиров. Таков, например, дом семьи Томассан, которой он принадлежит с XIV века. В 1968 году во дворе под подвесным потолком был обнаружен оригинальный — его уникальная роспись, датирующаяся примерно 1295 годом, признана одной из старейших во Франции. В узких мощеных улицах старого Лиона прячутся винные лавки, колоритные торговцы свинными окороками и уединенные дворики, в которых время давным-давно остановилось.

Набрести на них проще всего, передвигаясь по трабулям (traboules). Пешеходные улочки-коридоры, соединяющие несколько зданий насквозь, — особая гордость лионцев и главный местный аттракцион. Умение «трабулировать» (именно от глагола *trabouler* — «пересекать насквозь» — образовано слово «трабули») моментально выдаст, коренной перед вами житель Лиона или из «понаехавших». Только местные знают, в какой двор нырнуть на Фурвьере, чтобы через считанные минуты вынырнуть на другом берегу Соны, в центре полуострова. Историки расходятся во мнениях, когда именно и, главное, зачем появились трабули. По одной из версий, в галло-римскую эпоху, когда на холме начались перебои с водой, люди стали строить дома чуть ниже и первые улицы были параллельными. Тогда якобы и придумали эти сквозные проходы, позволяющие и воду носить, и путь сокращать. Но это все домыслы. Документальные же свидетельства о трабулях относятся к XVII веку и связа-

ны с расцветом шелковой промышленности в Лионе, центром которой стал район Круа-Рус.

«Холм, который трудится» — так его стали называть в противопоставление Фурвьере — «холму, который молится». Круа-Рус полон потайных дверей, ходов, лестниц и троп, по которым ткачи молниеносно доставляли ткани занятым торговцам, для которых время — деньги. Ждать, пока работяга спустится со своей горы, никто не желал, поэтому бедолагам приходилось носиться, не ведая стен, наперевес с рулонами ткани по своим извилистым трабулям. Крыши к тому же защищали шелк от непогоды. Сегодня «трудящийся холм» в моде, особенно у бездельников-парижан, которые устраивают себе дауншифтинг в провинцию. Оно и понятно. Просторные, светлые квартиры с четырехметровыми потолками (дома строились из расчета на семью и ткацкий станок Жаккарда) не идут ни в какое сравнение с прячущимися за роскошными османовскими фасадами столичными апартаментами, куда никогда не проникает луч солнца. Цены ниже, баров — не счастье, рынок, куда съезжаются лучшие фермеры региона, под боком. Что еще нужно для счастья дауншифтеру? Лионцы же потихоньку пакуют чемоданы, не желая жить по расценкам и нравам «XXI округа Парижа».

Простору лионских помещений, но уже репетиционных, должны завидовать и артисты Opera de Paris, которым в красивых, но минускульных залах исторического здания не развернуться. В 1993 году лион-